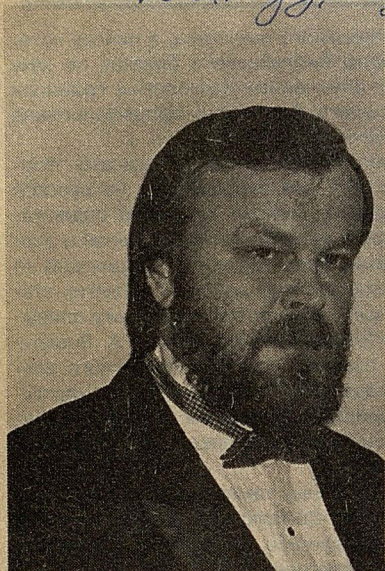

Глеб Никольский, русский бас

Рос. муз. газета — 2000 — май (№5) — с. 11

Такие встречи — настоящий подарок судьбы. И не потому, что ошеломляют обилием сенсационной информации. Просто поговорить в спокойной обстановке с великим певцом удается нечасто. Слишком сложна жизнь артиста, график выступлений которого на лучших сценах мира расписан на годы вперед. А тут — Москва, холодное майское утро, тихая квартира в Брюсовом переулке — и никуда не торопящийся, радушный и внимательный хозяин. Огромный, улыбчивый Глеб Никольский. «Властелин глубоких тонов», «Знаменитейший бас мира»... Так и еще пышнее, еще уважительнее пишут о нем европейские критики. А наши не пишут. Потому что давно не слышали его голоса, не видели его во весь двухметровый рост на сцене здесь, в России. Но и дома, в джинсах он красив. И в неспешной беседе глубоко и мягко звучит его бас — как когда-то в Большом театре, где не раз довелось слушать его, начиная с премьеры «Жизни за Царя»... Впрочем, начался наш разговор издали, не с оперных историй. И в том, как спокойно вспоминал Никольский о годах учебы, с какой теплотой говорил о своих учителях и друзьях, было то ощущение доброй русской силы, которое и осталось главным до конца беседы.

— ...В Москву я приехал из Краснодара, без всякого музыкального образования. Правда, пел много — в профсоюзной хоровой капелле... Думал поступать в «Гнесинку», а попал — в Консерваторию! Да еще к Александру Иосифовичу Батурину. Знаменитый педагог, великолепный бас-баритон, он учился еще у Баттистини в академии Санта Чечилиа... Все, что умею, я получил от него и от Веры Георгиевны Дуловой, моей второй мамы. Смерть ее — громадная утрата для меня...

Консерваторию Глеб Никольский окончил в 1979 году. В 81-м получил первую премию на конкурсе имени Глинки в Минске.

— ...Был концерт лауреатов в ЦК, после которого меня неожиданно направили на стажировку в Ла Скала. Когда я приехал туда, все собрались послушать «новенького». Спел донна Базилио, Филиппа... Смотрю, знаменитая Джульетта Симионата плачет! «Откуда Вы? У Вас настоящая итальянская школа!» Я рассказал о Батурине и Баттистини, а она попросила передать учителю горячую благодарность...

Вскоре Никольский пел в «Троянца» Берлиоза (дирижировал Джордж Прэтр). Познакомился со многими оперными звездами, с Лучано Паваротти выступал на его родине, в Карпи... Франческо Канесса, директор театра Сан-Карло, пригласил его в Неаполь. Но ездить туда пришлось уже из Воронежа, где к тому времени работал Никольский. «Силы судьбы», «Дон Карлос»... А «Саламбо» Мусоргского спеть в Неаполе не довелось: оперу ставил опальный тогда Юрий Любимов... Потом была победа на конкурсе имени Франциско Виньеса в Барселоне.

— ...В тот год наших в жюри не было. Но после первого же тура ко мне подошел Джузеппе ди Стефано с неизменной сигарой: «Здорово!». Я получил «Гран-при» и золотую медаль, вторую и третью премии не дали никому...

Он вспоминал не только победы, но и художественные потрясения. С трепетом рассказывал, как пел в Ленинграде с оркестром Мравинского. Евгений Александрович сам предложил ему спеть Вотана в вагнеровской программе.

— ...Это была редчайшая удача, великая честь. Мравинский не работал с певцами — а кто только не просил, не умолял его! Жена моя пела в Мариинском, я часто бывал в Питере, концерты Мравинского потрясали, он открыл мне музыку Шостаковича... И вот самому довелось петь с ним и его оркестром...

В 1987 году Глеб Никольский выдержал конкурс в Большой театр. По приглашениям он пел там и раньше, но как солист

ГАБТ дебютировал в «Жизни за Царя». Потом были премьеры «Млады», «Орлеанской девы», памятные многим выступления Никольского вместе с женой Лидией Разиной в «Князе Игоре», «Фаусте»... Счастливые времена! Но они закончились с уходом А. Лазарева и очередной перестройкой в театре. Говорить об этом не хотелось, и мы перешли к делам сегодняшним.

Сегодня Глеб Никольский — солист Немецкой оперы (Берлин, Бонн) и Финской национальной оперы (Хельсинки). В сезон поет 40–50 спектаклей. Много гастролирует. Ему рукоплескали в Нью-Йорке, Вене, Мюнхене, Амстердаме, Копенгагене... Даже на стадионе в Южной Африке, где он пел Рамфиса в испанской постановке «Аиды». А недавно выступал с концертами в Германии вместе с дочерью — пианисткой, выпускницей училища имени Гнесиных.

— ...Она выросла в театре, и дома часто пели. Неудивительно, уже сейчас она очень чуткий концертмейстер...

Конечно, работать с разными режиссерами и дирижерами ему очень интересно. Особенно, если они ставят «Бориса Годунова», в котором Никольский множество раз пел партии Бориса и Пимена, заслужив мировую славу. Последний раз это было в Бонне.

— ...Режиссер Давид-Мухтар-Самурай, когда-то поставивший «Жизнь с идиотом» А. Шнитке, русскую классику ставил впервые. Мы живем в толще традиции, а над ним не довлело ничего. И удивительно, но многое в партии Бориса открылось мне заново! Да и современный костюм, пальто от Версаче заставляют искать новую пластику образа, новые краски...

Он говорил о «Набукко» в Австрии и Финляндии, об оперном фестивале в финской Саванлине, о великолепном спектакле по опере Дж. Энеску «Эдип» в Берлине... А я слушал его, радовался вместе с ним — и все же не мог отогнать от себя горьковатых «почему?!».

С. РУМЯНЦЕВ.

«Борис Годунов» (Бонн).